АЛЛЕН СТИЛ

ИТЕРАЦИИ ИЕРИХОНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Hugo Award, 1996 // Повесть (Novella).

Повесть развенчивает эпоху космоопер. Эпоха романтики в космосе, эпоха ожидания счастья и чудес в вакууме звездного пространства сменилась эпохой бизнеса и зарабатывания денег, космос оказался реальным, холодным и безразличным, а не игрушечным, теплым и комфортным. Неисправимые романтики не способны прижиться в новом мире. Знаменитый защитник правопорядка Капитан Фьючер — на самом деле, свихнувшийся неудачник, который слоняется по солнечной системе на ржавой посудине без дела и без цели…

© *fantlab.ru*

- Аллен Стил
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2

Аллен Стил
СМЕРТЬ КАПИТАНА ФЬЮЧЕРА

Посвящается покойному Эдмонду Гамильтону

«Имя капитана Фьючера, непримиримого врага Зла, было известно каждому жителю Солнечной системы. Этот высокий рыжеволосый молодой человек с широкой улыбкой и крепкими кулаками являлся грозой всех и всяческих злодеев, будь то люди или инопланетяне. Бесшабашная отвага сочеталась в нем с расчетливостью, непоколебимой целеустремленностью и глубочайшими познаниями в науке; перемещаясь с планеты на планету, сражаясь и побеждая Зло, он, словно метеор, прочертил на небе огненную полосу».

Эдмонд Гамильтон. «Капитан Фьючер и Император Космоса»

Я расскажу вам правду о смерти капитана Фьючера.

Мы находились во внутреннем поясе астероидов, шли на запланированное свидание с Керой, когда поступило сообщение по гиперсвязи.

— Рор… Проснитесь, пожалуйста, Рор.

Голос, доносившийся из-под потолка, был высоким и приятным; компьютер позаимствовал его у персонажа старинного видеофильма про Геркулеса (в капитанской каюте кассет с подобными фильмами имелось в избытке). Он нарушил мой заслуженный сон после восьмичасовой вахты на мостике.

Я повернул голову и прищурясь поглядел на компьютер. По экрану бежали строчки, буквы вперемешку с цифрами; машина проверяла работу корабельных систем — мне как старшему офицеру полагалось знать о малейших неисправностях, даже когда я был не на дежурстве. Так, судя по всему, никаких поломок не произошло, беспокоиться вроде не о чем…

Тогда какого черта?.. Полчетвертого по корабельному времени, середина ночи!

— Рор? — повторил голос чуть громче. — Мистер Фурланд? Проснитесь, пожалуйста.

— Уже проснулся, — проворчал я, поднимаясь с койки. — Что стряслось, Мозг?

Мало того, что бортовой компьютер говорил голосом Стиви Ривза, он еще заработал эту идиотскую кличку. На всех кораблях, на которых мне доводилось служить, компьютерам давали человеческие имена — Руди, Бет, Ким, Джордж, Стэн, Лайза — в честь друзей, родственников или погибших товарищей, либо награждали прозвищами, остроумными и не слишком, Босуэлл, Айзек, Ловкач, Болтун, Солдафон, не говоря уж о повсеместных Хэлах и Датиках. Помнится, на лунном буксире компьютер называли Олухом; частенько можно было услышать что-нибудь вроде: «Эй, Олух, что там на станции Тихо?» Но окрестить компьютер Мозгом — такое могло прийти в голову только идиоту.

Наподобие моего командира, капитана Фьючера (правда, я никак не мог решить — то ли капитан глуп как пробка, то ли просто безумен).

— Мне приказали разбудить вас, — ответил Мозг. — Капитан желает, чтобы вы немедленно явились на мостик. Именно немедленно.

— С какой стати? — поинтересовался я, разглядывая дисплей.

— Приказ капитана, мистер Фурланд. — Потолок засветился, ослепительно засверкал, и мне даже пришлось зажмуриться. — Если вы не явитесь на мостик в течение десяти минут, вам грозит штраф и выговор с занесением в карточку.

Угрозы насчет штрафа я пропускаю мимо ушей — честно говоря, не знаю такого человека, которого не оштрафовали бы, пускай всего лишь на пару-тройку марок, за время, проведенное на борту корабля, — но вот что касается выговора… Через два дня «Комета» достигнет Керы, где мне предстоит перейти на транспорт «Юпитер», который направится к Каллисто. И еще не хватало, чтобы капитан «Юпитера» отказался от моих услуг только потому, что в карточке у меня — выговор с занесением.

— Ладно, — пробормотал я, — передай, что сейчас приду.

Опустил на пол ноги, пошарил вокруг, разыскивая брошенную на пол одежду. Вообще-то надо было бы ополоснуться, побриться да помедитировать, не говоря уж о том, чтобы съесть булочку и запить ее горячим кофе; однако ясно, что ничего подобного мне просто не позволят.

В каюте зазвучала музыка, постепенно становившаяся все громче. Оркестровая увертюра… Я замер с наполовину натянутыми штанами, прислушиваясь к аккордам, что воспарили вдруг на героическую высоту. Немецкая опера. Вагнер. Господи

Боже, «Полет валькирий»!..

— Выруби ее, Мозг.

Компьютер подчинился, но не преминул заметить:

— По мнению капитана, Рор, так вы скорее бы проснулись.

— Я и без того проснулся! — Внезапно я заметил краем глаза какое-то движение в углу рядом с рундуком: мелькнуло и пропало что-то черное. Таракан! Займись-ка лучше им.

— Извините, Рор. Я пытался продезинфицировать корабль, но пока мне не удалось отыскать все до единого гнезда. Если вы не станете запирать каюту, я пришлю уборщика…

— Ладно, забудем. — Я застегнул ширинку, заправил рубашку, после непродолжительных поисков обнаружил под койкой магнитные башмаки. — Сам справлюсь.

Разумеется, Мозг не замышлял ничего дурного, он всего лишь стремился уничтожить очередную колонию насекомых, проникших на борт «Кометы» перед отлетом с Лагранжа Четыре. Тараканы, блохи, муравьи — все они, иногда в компании с мышами, проникали на любой корабль, регулярно заходивший в околоземные космопорты. Однако такого скопища насекомых, как на «Комете», лично мне до сих пор видеть не доводилось. Тем не менее оставлять каюту незапертой я не собирался, поскольку совершенно не желал, чтобы капитан рылся в моих вещах. Он убежден, что я везу с собой контрабанду; даже при том, что он прав (у меня при себе две бутылки лунного виски, презент для того капитана, под чье начало я перейду в самом скором времени), я не могу допустить, чтобы столь замечательный напиток вылили в раковину только потому, что это предписывается никому не нужными правилами Ассоциации.

Надев башмаки, я подпоясался, вышел из каюты и запер дверь, а для надежности прижал к фотоэлементу большой палец: теперь никто посторонний ко мне не войдет. Коридор, который вел в рубку, проходил мимо двух дверей (тоже, естественно, запертых) с надписями «Капитан» и «Старший офицер». Капитан, насколько мне известно, на мостике, а Джери скорее всего рядом с ним.

Люк вывел меня в центральный колодец. Перед тем как подняться на мостик, я заглянул в кубрик, чтобы пропустить стаканчик кофе. В кубрике царил бардак: на столе лежал неубранный поднос, на полу валялись многочисленные обертки, в раковине доблестно сражался с горой посуды одинокий, маленький, похожий на паука робот. Судя по всему, здесь недавно побывал капитан; как же это он промахнулся и не заставил Рора Фурланда прибраться в помещении?! Ну да ладно; хорошо хоть, осталось немного кофе, пускай даже давным-давно остывшего. Я

насыпал в стаканчик сахарного песка, слегка разбавил кофе молоком из холодильника.

Как всегда, мое внимание привлекли развешенные по стенам кубрика картинки — копии обложек непередаваемо древних журнальчиков, аккуратно оправленные в рамки. Кстати говоря, сами бесценные журнальчики, герметически запечатанные, хранились в капитанской каюте. Итак, картинки… Астронавты в похожих на аквариумы шлемах сражаются с чудовищными инопланетянами и безумными учеными, которые все как один осаждают пышногрудых полуобнаженных красоток. Подростковые фантазии прошлого столетия — «Планеты в опасности», «Туда, где нет звезд», «Звездная дорога славы». И над каждой иллюстрацией жирными черными буквами —

«КАПИТАН ФЬЮЧЕР, человек завтрашнего дня».

Из размышлений меня вырвал грубый оклик:

— Фурланд! Где вы, черт возьми?

— В кубрике, капитан. — Я закрыл стаканчик крышкой и прицепил его к поясу. — Зашел выпить кофе. Буду у вас через минуту.

— Если вас не окажется на месте шестьдесят секунд спустя, вы лишитесь денег за последнюю вахту. Шевелись, ты, ленивый ублюдок!

— Иду, иду. — Я вышел из кубрика. Проскользнул в люк и, очутившись на достаточном расстоянии от интеркома, через который меня могли бы услышать, прошептал: — Жаба.

Если я ленивый ублюдок, то кто тогда он? Капитан Фьючер, человек завтрашнего дня… Не приведи Господи, чтобы это вдруг стало истиной.

«Десять минут спустя крохотный кораблик в форме вытянутой вдоль слезы вылетел из ангара, располагавшегося под поверхностью Луны. То была „Комета“, сверхскоростной звездолет капитана Фьючера, известная по всей Солнечной системе как самый быстрый из космических кораблей».

Эдмонд Гамильтон. «Капитан Фьючер спешит на помощь»

Меня зовут Рор Фурланд. Как мой отец и его мать, я — обитатель космоса.

Считайте, что это семейная традиция. Бабушка сначала принимала участие в строительстве на земной орбите первого энергетического спутника, а затем эмигрировала на Луну, где и зачала моего отца, проведя как-то ночь с неким безымянным типом, погибшим всего пару дней спустя. Отец вырос на станции Декарт, в восемнадцать лет сбежал из дома, где не был никому нужен, «зайцем» добрался на борту транспорта до Земли, поселился в Мемфисе, несколько лет вел жизнь бродячего пса, а потом, снедаемый ностальгией, устроился на работу в русскую фирму, которая набирала в штат уроженцев Луны. Он возвратился как раз вовремя, чтобы скрасить бабушке последние годы жизни, сразиться в Лунной войне на стороне Звездного Союза и, по чистой случайности, встретиться с моей матерью, которая работала геологом на станции Тихо.

Я родился в роскошном двухкомнатном помещении под кратером Тихо в первый год независимости Звездного Союза. Мне рассказывали, что мой отец отметил рождение сына тем, что, напившись до полной невменяемости, начал приставать к принявшей меня акушерке. Просто здорово, что родители разбежались, когда я уже заканчивал школу. Матушка вернулась на Землю, а мы с отцом остались на Луне, где имели привилегию граждан Звездного Союза — кислородные карточки класса «А», которые сохранялись, даже когда человек нигде не работал и, как говорится, не просыхал (а с отцом такое случалось довольно часто).

Неудивительно поэтому, что из меня получился настоящий сукин сын, истинный отпрыск незаконнорожденного; во всяком случае, дышать кислородом из баллонов и ходить по лунной поверхности я научился, едва избавившись от пеленок. В шестнадцать лет мне выдали профсоюзную карточку и велели устраиваться на работу; за две недели до моего восемнадцатилетия челнок, в экипаж которого меня зачислили как грузчика, совершил посадку в Галвестоне. Надев экзоскелет, я впервые в жизни прошелся по земле. Или по Земле, как хотите. Я провел на Земле неделю, чего оказалось вполне достаточно, чтобы сломать руку в Далласе, потерять невинность со шлюхой из Эль-Пасо и пережить чудовищный приступ агорафобии на техасской равнине. Решив, что колыбель человечества может катиться ко всем чертям, я следующим же рейсом вернулся на Луну и получил на день рождения пирог, в котором не было ни единой свечи.

Двенадцать лет спустя я превратился в космического волка — перепробовал почти все занятия, на которые распространялась моя квалификация (отвечал за стыковку и погрузку-разгрузку,

был навигатором и начальником службы жизнеобеспечения, пару раз исполнял даже обязанности второго помощника), перебывал на множестве кораблей, начиная с орбитального буксира и лунного грузовика и заканчивая пассажирским челноком и рудовозами класса «Аполлон». Нигде не задерживался дольше года, поскольку руководство профсоюза считало, что всем должны быть предоставлены равные возможности, а потому тасовало экипажи, как хотело; лишь капитанам и первым помощникам разрешалось оставаться на одном корабле восемнадцать и больше месяцев. Идиотская система! Только успеешь привыкнуть к одному кораблю с его капитаном, как надо перебираться на другой, где все начинается по новой. Или, что гораздо хуже, сидишь по нескольку месяцев без работы, то бишь слоняешься по барам Тихо или Декарт-Сити, дожидаясь, пока профсоюз не вышвырнет со службы очередного бедолагу и не обратит внимание на тебя…

Шикарная жизнь, верно? К тридцати годам я сумел сохранить здоровье, однако на счету в банке у меня лежали сущие гроши. Все мои немногочисленные принадлежности находились в камере хранения станции Тихо, и это после пятнадцати лет работы! В промежутках между полетами я обычно жил в профсоюзной гостинице или на каком-нибудь спутнике, причем в номере обычно не хватало места даже для того, чтобы вытянуть ноги. Словом, я жил хуже уличных девок, которым, признаться, иногда платил только за то, что они разрешали мне провести ночь на нормальной кровати.

Вдобавок было жутко скучно. Не считая единственного полета на Марс (мне было тогда двадцать пять), я всю свою жизнь провел, болтаясь в пространстве между Землей и Луной. Не скажу, что эта жизнь была откровенно гнусной, однако и замечательной ее не назовешь. В барах частенько встречались печальные старые болтуны, с готовностью принимавшиеся вешать лапшу на уши всем, кто выражал желание послушать про славные деньки и бурную молодость. Подобная участь меня ничуть не прельщала, поэтому я прекрасно понимал, что с Луны надо сматываться — иначе до конца своих дней останусь деревенским лохом.

Сложилось так, что в ту пору как раз началось освоение дальних рубежей Солнечной системы. Грузовики стали доставлять с Юпитера гелий-3 для земных реакторов; колонию на Титане королева Македония распорядилась покинуть из-за эпидемии, однако колония на Япете продолжала существовать. Экипажи больших кораблей, что летали между поясом астероидов и газовыми гигантами, получали неплохие бабки, а с членами

профсоюза, сумевшими найти работу на Юпитере или на Сатурне, автоматически заключались трехгодичные контракты. Выбор был несложный — либо каждый Божий день летать с Луны на Землю, либо…

Конкуренция за место в экипаже была весьма серьезной, но меня это не остановило, и я подал заявку. Пятнадцатилетний послужной список, в котором практически не было взысканий, плюс полет да Марс позволили мне без труда обойти большинство претендентов. Следующий год я проработал в порту, дожидаясь нового назначения; однако меня неожиданно уволили, и я очутился в баре «У грязного Джо». А шесть недель спустя, когда я уже начал подумывать, не податься ли в кратер Клавий на строительство нового купола, пришло сообщение, что «Юпитеру» требуется новый офицер и что первым в списке стоит мое имя.

Словом, ожидание завершилось как нельзя лучше, но возникла другая проблема. «Юпитер» ждал меня у Керы, глубже в Солнечную систему он зайти не мог, а профсоюз не оплачивал перелет до места назначения. Поэтому следовало либо добираться пассажирским лайнером (на что у меня денег, естественно, не было), либо наняться на корабль, летящий к поясу астероидов.

Последнее меня вполне устраивало, однако сложности на этом не закончились: мало кто хотел иметь у себя на борту лунянина. Большинство грузовиков, летавших в поясе астероидов, принадлежало Трансгалактической Ассоциации, а капитаны ТГА предпочитали набирать команды не из членов моего профсоюза. Кроме того, с какой стати принимать в экипаж типа, который сойдет на Кере, когда корабль не проделает к половины пути?

Все это объяснил мне представитель моего профсоюза, с которым я встретился на станции Тихо. Мы с Шумахером были старыми приятелями, ходили вместе на орбитальном буксире; так что он по-дружески просветил меня.

— Послушай, Рор, — сказал он, закидывая на стол ноги в мокасинах, — я тут прикинул, куда тебя определить, и, кажется, кое-что нашел. Грузовик класса «Арес», пункт назначения — Кера, готов стартовать с Лагранжа Четыре, как только капитан подыщет нового второго помощника.

Шумахер нажал на кнопку, и над его столом появилась голограмма корабля. Обычный грузовик восемьдесят два метра в длину, ядерный двигатель на корме, жилой отсек в форме барабана на носу, посредине — открытые грузовые отсеки. Сильно смахивает на буксир, ничего необычного. Я глотнул виски из фляги, которую Шумахер выставил на стол.

— Замечательно. Как называется?

— «Комета». — Помолчав, Шумахер прибавил: — Капитан Бо Маккиннон.

— Ну и что? — проговорил я, пожимая плечами.

— Ты что, не понял? — Шумахер удивленно моргнул, забрал у меня фляжку и сунул ее в ящик стола. — Грузовоз «Комета», капитан Бо Маккиннон. — Он смотрел на меня так, словно я чудом выжил во время эпидемии на Титане. Хочешь сказать, что никогда о нем не слышал?

Признаться, я не запоминаю ни названий кораблей, ни фамилий капитанов: они все время прилетают и улетают, поэтому столкнуться с капитаном ТГА на Луне можно только по чистой случайности, в каком-нибудь баре.

— Никогда, — подтвердил я.

— Ужас, — пробормотал Шумахер, закрывая глаза. — Единственный человек, который ничего не слышал о капитане Фьючере.

— О ком?

— Ладно, забудь. Считай, что я не упоминал этого имени. Через шесть-семь недель на Керу полетит другой грузовик, и я постараюсь устроить тебя на него…

— Не пойдет. — Я помотал головой. — Мне надо быть на Кере самое позднее через три месяца, иначе я потеряю место. А что там с «Кометой»?

Шумахер вздохнул и вновь достал из ящика фляжку.

— Ею командует полный идиот. Маккиннон — худший из капитанов ТГА. С ним сумела ужиться только чокнутая, которую он назначил первым помощником.

Меня передернуло. Ну да, мы приятели, но эти расистские штучки… Человек, который пользуется словечками вроде «черномазый» или «джап», не может быть моим другом. Я согласен, Лучшие — существа странные; они так на тебя смотрят… Но все равно, зачем обзываться?

С другой стороны, когда страдаешь без работы, ради нее можно примириться с чем угодно.

Шумахер заметил выражение моего лица и правильно его истолковал.

— Дело не в том, — сказал он. — Она — вполне приличный первый помощник. («Для чокнутой», — мысленно добавил я.) Проблема в самом Маккинноне. Люди убегают, притворяются больными, разрывают контракты… лишь бы удрать с «Кометы».

— Настолько все плохо?

— Да. — Шумахер прильнул к фляжке, сделал большой глоток, потом протянул ее мне. — С деньгами все в порядке, платят по минимуму, однако минимум ТГА выше профсоюзной

ставки. Всем требованиям безопасности «Комета» вроде бы удовлетворяет. Но Маккиннон из тех свиней, что всегда найдут грязи.

— Что-то я не пойму, к чему ты клонишь. Кто такой этот, как бишь его?

— Капитан Фьючер. Так Маккиннон называет сам себя, одному Богу известно почему. — Шумахер усмехнулся. — А бортовой компьютер назвал Мозгом.

— Мозгом? — Я не выдержал и рассмеялся. — Да ну? Он у него что, плавает в аквариуме с физиологическим раствором?

— Не знаю. По-моему, компьютер для него — что-то вроде фетиша. Шумахер покачал головой. — Во всяком случае, те, кто летал с Маккинноном, в один голос утверждают, что он мнит себя космическим героем и требует от окружающих соответствующего отношения. Причем весьма суров с подчиненными. Не будь он отъявленным лентяем, его можно было бы принять за педанта.

Мне приходилось служить под началом и тех и других, не говоря уж о более странных типах, поэтому к таким вещам я отношусь совершенно спокойно — платили бы деньги да не лезли в мои дела.

— Ты с ним когда-нибудь сталкивался?

Шумахер протянул руку. Я вернул ему фляжку, к которой он снова присосался, как младенец к груди. Ничего не скажешь, шикарная у него работенка — изо дня в день просиживать штаны, напиваться и попутно решать судьбы людей. Если Рору Фурланду приведется занять его место, надеюсь, какой-нибудь добряк перережет мне глотку до того, как я окончательно сопьюсь.

— Ни разу, — ответил Шумахер. — Мне говорили, он практически не покидает «Комету», даже когда корабль стоит в порту… Кстати, по слухам, он требует от экипажа, чтобы ему чуть ли не задницу вытирали после того, как он сходит в гальюн. Никому никаких послаблений, кроме разве что старшего помощника.

— А он что за птица?

— Она, — поправил Шумахер. — Хорошая девчонка — Он задумался, прищелкнул пальцами. — Джери. Джери Ли-Боуз. Мы с ней познакомились незадолго до того, как она завербовалась на «Комету». — Шумахер улыбнулся, моргнул и слегка понизил голос. — Говорят, она предпочитает не сородичей, а нас, обезьян, и спит с капитаном. Даже если хотя бы половина того, что я слышал о Маккинноне, — правда, это все равно не идет ни в какое сравнение…

Я не ответил. Шумахер убрал со стола ноги, перегнулся ко мне и произнес, сцепив пальцы, с таким серьезным видом, будто я

предлагал ему выдать за меня его сестру.

— Послушай, Рор, мне прекрасно известно, что время поджимает, что место на «Юпитере» значит для тебя очень и очень много. Но учти, капитан Фьючер согласился взять на борт попутчика по одной простой причине — никого другого ему найти не удалось. Вы с ним приблизительно в одинаковом положении, но на него я плевать хотел, а ты — мой друг. Откажись. Я не стану ничего записывать в твою карточку. Договорились?

— И что я выигрываю?

— Я уже сказал, что постараюсь подыскать тебе другой корабль. «Королева никеля» должна вернуться через полтора месяца. С ее капитаном мы в хороших отношениях, поэтому… Правда, обещать я, сам понимаешь, ничего не обещаю. На «Королеве» хотят служить все, а от «Кометы», наоборот, все отказываются.

— Короче, что ты предлагаешь?

Шумахер улыбнулся. Как представителю профсоюза, ему запрещалось принимать за меня решения; как приятель же, он сделал все, что мог. Впрочем, он понимал, что выбора у Рора Фурланда нет. Либо три месяца под командой психа, либо торчи до конца своих дней на Луне…

Пораскинув мозгами, я попросил контракт.

«Трое верных, преданных друзей Курта Ньютона разительно отличались от своего высокого рыжеволосого командира».

Эдмонд Гамильтон. «Короли комет»

Сила тяжести в одну шестую «g» исчезла, едва я преодолел люк и выбрался на мостик.

Рубка находилась в неподвижной передней секции жилого отсека и представляла собой самое просторное из отдельных помещений на корабле; тем не менее в ней было не повернуться — кресла, консоли, мониторы, скафандры на случай аварии, пульт управления с топографическим экраном… Под потолком висел похожий на волдырь обзорный блистер.

В тусклом свете ламп — по земному времени была ночь, поэтому Мозг приглушил освещение, — я увидел Джери, сидевшую за круглым столом. Услышав щелчок, с которым откинулась крышка люка, Джери обернулась.

— Доброе утро, — проговорила она с улыбкой. — Ба, ты

принес с собой кофе?

— Если можно так выразиться, — пробормотал я. Она с завистью поглядела на стаканчик в моей руке. — Извини, что не принес тебе, но капитан…

— Я слышала, как он на тебя кричал. — Джери надула губки. — Не переживай. Выполним маневр, и я схожу на камбуз.

Джери Ли-Боуз. Шесть футов два дюйма — не слишком высокий рост для Лучшего. Огромные голубые глаза, пепельно-серые волосы коротко острижены, если не считать длинной пряди, что ниспадает с затылка чуть ли не до талии. Худая, с почти плоской грудью, изящные пальцы рук (причем большие лишь немного меньше указательных), необычной формы ноги — результат генетических экспериментов, которые, собственно, и привели к возникновению расы Лучших.

Бледное лицо, на коже у глаз, носа и рта — татуировка в форме бабочки-данаиды, нанесенная, когда Джери исполнилось пять лет. Поскольку же у Лучших принято дополнять первоначальную татуировку на каждый день рождения, а Джери сейчас двадцать пять, у нее разрисовано не только лицо, но и плечи и руки — вон, из-под комбинезона с короткими рукавами выглядывают разнообразные драконы, виднеются очертания созвездий. Трудно сказать, что еще она прячет под одеждой; впрочем, мне кажется, что рано или поздно ей суждено стать живой картиной.

Она непохожа на других Лучших. Во-первых, ее родичи, как правило, избегают Прежних, то есть обыкновенных людей (это вежливое прозвище, обычно они именуют нас обезьянами). Живут интересами своих кланов, создают некие подобия восточных сатрапий, а с ТГА и прочими космическими компаниями поддерживают отношения лишь в силу экономических причин. Поэтому встретить одинокого Лучшего на корабле, которым командует Прежний, практически невозможно.

Во-вторых… За свою жизнь мне частенько приходилось общаться с Лучшими, поэтому я не испытываю того ужаса, который преследует большинство планетников и даже многих космонитов. Правда, к одному я так и не смог привыкнуть — к презрению, с каким они относятся ко всем остальным людям. Лучшего хлебом не корми, дай только порассуждать о преимуществах генетической инженерии и прочей дребедени. Но Джери — весьма приятное, хоть и своеобразное, исключение из правил. Стоило мне очутиться на борту «Кометы», как я обнаружил, что нашел в ней друга. Никакой напыщенности, никаких высокомерных рассуждений насчет недопустимости физической близости, равно как и насчет того, что мясо, мол,

едят исключительно духовно неразвитые, а ругаться непозволительно; она была, что называется, своим парнем, и все дела.

Нет. Не все.

Свыкнувшись с тем, что она — настоящее чучело с ногами, которые вполне могут заменить руки, и с глазами размером с топливные клапаны, я обнаружил, что Джери чертовски чувственна. Признаться, какое-то время спустя она уже показалась мне красавицей, и я не мог не влюбиться. Шумахера, должно быть, передернуло бы при одной мысли, что кто-то из нормальных людей может спать с чокнутой, но за те три недели, что прошли с того момента, как Мозг вывел нас из анабиоза, я не раз замечал — мне хочется увидеть не просто татуировки на ее теле, а само тело…

Впрочем, что я о ней знаю? Да, симпатичная и наделена потрясающими способностями. Честно говоря, Джери Ли-Боуз — один из лучших первых помощников, которых я когда-либо встречал. За такую, как она, любой капитан из Королевского флота, ТГА или клана свободных торговцев отдал бы все на свете.

Что же она в таком случае делает на борту корыта под командованием психа Бо Маккиннона?

Я сделал кувырок в воздухе, подошвы моих башмаков прикоснулись к полу, и тут же сработали магнитные защелки. Потягивая из стаканчика кофе, я приблизился к пульту.

— А где капитан?

— Наверху, снимает показания с секстанта. — Джери кивнула на блистер. Вот-вот должен спуститься.

Разумеется. Вообще-то находиться в блистере полагалось бы Джери, ведь с такими глазами, как у Лучших, не требуется никаких секстантов, однако Маккиннон, похоже, воспринимал блистер как свой трон.

— Мог бы и догадаться, — проворчал я, со вздохом опускаясь в кресло и пристегиваясь ремнями. — Однако хорош гусь, а! Будит посреди ночи, а потом куда-то исчезает, вместо того чтобы объяснить, зачем.

— Подожди. — На губах Джери мелькнула сочувственная улыбка. — Бо скоро спустится. — С этими словами она отвернулась и вновь принялась за работу.

Джери единственная на борту обладала привилегией называть капитана Фьючера его настоящим именем. У меня подобной привилегии не было, а Мозг просто-напросто соответствующим образом запрограммировали. Кстати говоря, при всем своем хорошем отношении к Джери я не мог игнорировать тот факт, что, когда возникали разногласия, она

почти всегда принимала сторону капитана.

Она явно что-то скрывала, предпочитая, видимо, чтобы я узнал о причине вызова от Маккиннона. Что ж, к подобным вещам мне не привыкать притерпелся за последние несколько месяцев; и тем не менее… Ведь большинство первых помощников — посредники между капитаном и командой; обычно Джери так себя и вела, но в моменты вроде этого я чувствовал, что она от меня дальше, чем, к примеру, тот же Мозг.

Ну и ладно. Я развернулся к пульту и произнес:

— Эй, Мозг, выведи, пожалуйста, на экран наши координаты и траекторию.

Голографический экран ослепительно вспыхнул, затем над столом возникла дуга пояса астероидов. Крошечные оранжевые точки, обозначавшие крупные астероиды, медленно перемещались вдоль голубых звездных орбит; каждой звезде на карте соответствовал номер из каталога. «Комету» изображала серебристая полоска, за которой тянулся красный пунктир, рассекавший надвое орбиты астероидов.

«Комета» приближалась к краю третьего провала Кирквуда, одного из тех «пустых пространств», где притяжение Марса и Юпитера воздействовало на астероиды таким образом, что их количество уменьшалось на порядок относительно астрономической единицы. Мы находились сейчас на расстоянии двух с половиной астрономических единиц от Солнца. Через пару дней войдем в пояс и начнем сближаться с Керой. Когда прибудем, «Комета» разгрузится и отправится в обратный путь, прихватив руду, которую добыли на астероидах и переправили на Керу старатели ТГА. А я покину своих спутников и останусь дожидаться прибытия «Юпитера».

По крайней мере так предполагалось. Разглядывая экран, я заметил кое-что не совсем понятное — за четыре часа, минувшие с моей последней вахты, курс звездолета изменился.

Траектория уже не выводила «Комету» к Кере. Теперь она проходила на значительном удалении от астероида.

Я не стал ничего говорить Джери. Отстегнулся, взмыл над креслом, подлетел чуть ли не вплотную к экрану и внимательно изучил изображение, поворачивая его так и этак. Нынешний курс пролегал в четверти миллиона километров от Керы, по другому краю провала Кирквуда.

— Мозг, куда мы направляемся?

— К астероиду номер 2046. — На экране вспыхнула еще одна оранжевая точка.

Остатки сна как рукой сняло. Меня охватила ярость.

— Рор… — проговорила Джери.

Я чувствовал спиной ее взгляд, но и не подумал повернуться. Схватил интерком и рявкнул:

— Маккиннон! А ну спускайся!

Тишина, хотя он должен был меня услышать…

— Спускайся, чтоб тебе пусто было!

Загудел двигатель, в нижней части блистера распахнулся люк, показалось кресло, в котором восседал капитан «Кометы». Он молчал до тех пор, пока кресло не коснулось пола, а затем изрек:

— Ко мне следует обращаться «капитан Фьючер».

Рыжеволосый капитан Фьючер с обложек древних журнальчиков был высок, строен и достаточно привлекателен; к Бо Маккиннону ничто из вышеперечисленного не относилось ни в малейшей мере. Приземистый, тучный, он напоминал расплывшийся кусок сала. Кудрявые черные волосы, поседевшие на висках и весьма редкие впереди, ниспадали на усыпанные перхотью плечи; растрепанная борода скрывала жирные восковые щеки. На рубашке и на штанах виднелись пятна, а воняло от него, как от выгребной ямы.

Не думайте, что я преувеличиваю, сгущаю краски. Бо Маккиннон был донельзя омерзительным сыном подзаборной шлюхи, с которым не шли ни в какое сравнение все встречавшиеся мне раньше неряхи и невежи. Он презирал личную гигиену и «общественные условности», однако к себе требовал уважения. Обычно я подыгрывал ему с этим идиотским именем, но сейчас слишком сильно разозлился.

— Ты изменил курс! — Я показал на экран, отметив про себя, что мой голос дрожит от ярости. — Мы должны были миновать провал, но ты изменил курс, пока я спал!

— Совершенно верно, мистер Фурланд, — отозвался он, смерив меня холодным взглядом. — Я изменил курс, пока вы были в своей каюте.

— А как же Кера? Господи Боже, как же Кера?!

— Кера остается в стороне, — сообщил он, не делая даже попытки встать с кресла. — Я приказал Мозгу изменить курс с таким расчетом, чтобы конечной точкой нашего пути оказался астероид номер 2046. В час тридцать по корабельному времени были запущены маневровочные двигатели, и через два часа мы ляжем на новый курс, вследствие чего достигнем астероида через…

— Через восемь часов, капитан, — подсказала Джери.

— Благодарю, — отозвался он, впервые соизволив заметить ее присутствие. — Через восемь часов «Комета» будет готова выполнить то, что может от нее потребоваться. — Маккиннон

сложил руки на своем объемистом брюхе и недовольно воззрился на меня. — У вас есть еще какие-нибудь вопросы, мистер Фурланд?

Вопросы?

Несколько секунд я просто смотрел на него, разинув от изумления рот. Не в силах ни спрашивать, ни протестовать — я мог только удивляться толстокожести этого мутанта, помеси человека и лягушки.

— У меня всего один вопрос, — выдавил я наконец. — Каким образом, по-вашему, я перейду на «Юпитер», если мы летим к…

— К две тысячи сорок шестому, — вновь подала голос Джери.

— А мы туда не летим, — ответил Маккиннон, даже не моргнув. — Я предупредил Керу, что «Комета» задержится и прибудет не раньше, чем через сорок восемь часов, и то, если повезет. Вы вполне успеете…

— Ничего подобного! — Я стиснул подлокотники кресла, подался вперед. «Юпитер» взлетает через сорок два часа. Позже никак нельзя, иначе они не сумеют сесть на Каллисто. Поэтому он взлетит со мной или без меня, а в результате я по вашей милости застряну на Кере!

Признаться, я слегка хватил лишку. Кера непохожа на Луну; станция на ней чересчур маленькая для того, чтобы позволить болтаться без дела попавшему впросак космониту. Представитель ТГА наверняка потребует, чтобы я заключил новый контракт, устроился хотя бы старателем. Вдобавок моя профсоюзная карточка никому на Кере не нужна; значит, за проживание и за воздух придется платить из своего кармана. И самый вероятный исход в таком случае — корпеть в рудниках, пока не окочурюсь; вряд ли у меня получится попасть впоследствии в экипаж какого-нибудь корабля. Если честно, с «Юпитером» мне просто повезло.

Или же придется возвращаться — то есть оставаться на «Комете», пока она не вернется на Луну.

Если так, лучше уж добираться до дома пешком.

Постарайтесь меня понять. На протяжении последних трех недель, начиная с того момента, как вылез из анабиозной камеры (их называют «ящиками для зомби»), я был вынужден терпеть всевозможные выходки Бо Маккиннона. Знаете, что он приказал мне перво-наперво? «Подержи мешок, парень, я хочу отлить»!

И это было только начало. Двойные вахты на мостике, которые приходилось нести, поскольку капитану было лень вставать с постели. Ремонт оборудования, которое следовало давным-давно выкинуть: починишь, а через пару дней прибор ломается снова, потому что Маккиннон выжал из него все, что можно. Идиотские приказы, причем противоречащие друг другу:

бросаешь дело на половине, берешься за новое, не менее противное, а потом получаешь выговор за то, что не закончил первое. Пропущенные обеды и ужины — сколько раз капитану за столом взбредало в голову проверить, хорошо ли закреплены шлюпбалки… Сон, прерванный из-за того, что Маккиннону захотелось перекусить, а сам он сходить на камбуз не может — слишком, видите ли, занят…

Но хуже всего — его гнусный, напоминающий поскуливание собаки голос, тон избалованного ребенка, которого любящие родители задарили игрушками. К слову, сильнее всего капитан смахивал именно на такого ребенка.

Бо Маккиннон не сумел получить удостоверение капитана ТГА честным путем. О нем позаботился отчим, преуспевающий бизнесмен с Луны, один из главных пайщиков Ассоциации. «Комета», когда ее купили, представляла собой дряхлый рудовоз, годный разве что на слом; насколько я понимаю, бизнесмен просто нашел способ избавиться от непутевого приемного сына. До того Маккиннон работал в Декарт-Сити таможенным инспектором. Мелкий чиновник, начитавшийся «космических опер» (у него была громадная коллекция фантастических журналов двадцатого века, на которую он, по-видимому, тратил все деньги) и возмечтавший о покорении космоса… Скорее всего бизнесмену Маккиннон успел надоесть не меньше, чем мне. В результате это ничтожество очутилось в поясе астероидов и теперь возило руду и изрыгало приказы, распоряжаясь теми, кто имел несчастье оказаться на борту «Кометы».

Узнав обо всем этом, я отправил Шумахеру космограмму приблизительно следующего содержания: «Какого черта ты мне не рассказал?!» Меня подмывало угнать спасательный бот и попробовать добраться до Марса. Ответ Шумахера ничуть не улучшил моего настроения. Дескать, извини, но моя работа подбирать команды для дальних рейсов, а не подыскивать тепленькие местечки для приятелей, и так далее.

К тому времени я выяснил и кое-что еще. Бо Маккиннон был сынком богатого папаши, изображавшим из себя космического волка. Ему хотелось командовать, но брать на себя обязанности, которые несет каждый настоящий капитан, он отнюдь не собирался. Грязную работу за него выполняли неудачники вроде меня. Насчет Джери, правда, говорить не буду, а лично я был последним в очень длинном ряду.

Бот я угонять не стал — хотя бы потому, что это погубило мы мою карьеру; вдобавок марсианские колонисты славились своим «радушием» по отношению к незваным гостям. И потом, мне подумалось, что, быть может, все образуется. В самом деле,

какие-то три недели спустя я буду рассказывать экипажу «Юпитера» о капитане Фьючере, потягивая виски за столом в кубрике. «По-твоему, этот Фьючер — осел? Ты послушай, что случилось со мной…»

Ну да ладно. С «Кометы», естественно, надо удирать, и как можно скорее, но и торчать на Кере, а тем более попадать в зависимость от тамошнего представителя ТГА, мне тоже не улыбается.

Значит, нужно попробовать иначе.

Я отпустил подлокотники, откинулся на спинку и сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Послушайте, капитан, на кой ляд вам сдался этот астероид? Ведь если вы наткнулись на богатые залежи, всегда можно оформить заявку и слетать к нему в другой раз. Из-за чего весь сыр-бор?

— Мистер Фурланд, — отозвался Маккиннон, величественно приподняв бровь, — я не старатель. Если бы я был старателем, то не командовал бы «Кометой», правильно?

Правильно, мысленно подтвердил я. Если бы ты не командовал «Кометой», тебя давно бы вышвырнули отсюда.

— Так в чем же дело?

Маккиннон молча расстегнул ремни и оттолкнулся от кресла. Малая сила тяжести — сущее благо для толстяков: его движения вдруг приобрели изящество, достойное лунного акробата. Капитан сделал в воздухе сальто-мортале, ухватился за торчавшее из потолка над пультом управления кольцо, перевернулся, повис головой вниз и набрал что-то на клавиатуре.

Изображение начало увеличиваться, вскоре астероид 2046 занял весь экран. Похожий на картофелину, метров семьсот в диаметре, на одном из полюсов пристроилась осьминожистого вида машина с длинным, уставленным в небеса стержнем.

Я узнал ее с первого взгляда. Генератор массы типа «Б», устройство, которое Ассоциация обычно использует для того, чтобы переместить каменноугольные астероиды из главного пояса во внутренний. Иными словами, передвижная бурильная установка. Добывает из астероида руду, которая затем поступает в систему очистки, где тяжелые металлы и летучие соединения отделяются от каменных пород. После очистки валунная глина выстреливается из электромагнитной «рельсовой пушки»,[1] в результате чего реактивная масса перемещает астероид вместе с генератором в нужном направлении.

К тому времени, как астероид выйдет на лунную орбиту, генератор успеет добыть достаточно никеля, меди, титана, углерода и водорода, чтобы оправдать затраты. Выпотрошенные

астероиды, как правило, продают различным компаниям, которые превращают их в космические станции.

— Это корабль «Пирит», — произнес Маккиннон, указывая на экран. — На лунную орбиту должен выйти через четыре месяца. На борту двенадцать человек, включая капитана, старшего и второго помощников, а также врача, двух металлургов, трех инженеров…

— Ясно, ясно. Двенадцать парней, которым предстоит сказочно разбогатеть. — В моем голосе отчетливо прозвучала зависть. Астероиды из главного пояса были редкими гостями в наших краях, не в последнюю очередь потому, что отыскать что-то стоящее среди бесчисленных летающих скал было чрезвычайно сложно. Небольшие обычно уничтожали ракетами, а на крупные сразу накладывали лапу старатели. Однако тем, кто наткнулся на такой астероид, полагалась премия, получив которую, можно было спокойно уходить на пенсию. — А нам-то что?

Маккиннон поглядел на меня, перевернулся в воздухе, сунул руку в карман и протянул мне распечатку.

— Прочтите.

Текст гласил:

> *«**Космограмма 11473. 01:18 по Гринвичу 7.26.73 код A1/0947***
>
> ***Отправитель**: станция Кера*
>
> ***Адресат:** всем космическим кораблям*
>
> *В 12:40 по Гринвичу 7.25.46 поступил сигнал бедствия с генератора массы „Пирит“. Экипаж столкнулся с загадочными — повторяем, загадочными, явлениями. Возможны, несчастные случаи со смертельным исходом. Связь прервана, после сигнала бедствия никаких сообщений не поступало, корабль не откликается. Просим срочной помощи у всех, кто находится поблизости».*

— Мы и впрямь ближайшие? — справился я у Джери.

— Я проверила, — отозвалась она, утвердительно кивнув. — Все остальные ближе к Кере, чем к 2046, за исключением разведчика у Гаспары, но ему лететь тридцать четыре часа.

Черт побери!

По закону, когда получен сигнал бедствия, ближайшие к потерпевшему аварию звездолеты должны немедленно изменить курс и идти на помощь; от этой обязанности освобождаются лишь те корабли, которые выполняют особо важные задания, — а рандеву с «Юпитером», какие бы надежды лично я на него ни возлагал, к таковым явно не относится.

Маккиннон протянул руку, забрал у меня распечатку.

— Очевидно, вы уже сообщили о своем решении Кере? — спросил я.

Не говоря ни слова, он нажал несколько кнопок на пульте. Засветился очередной экран, и я увидел запись отправленного на Керу сообщения.

— Капитан Фьючер, звездолет «Комета», ТГА, зарегистрирован в Мексико-Альфа, — произнес с экрана воссозданный Мозгом по иллюстрациям в журналах Курт Ньютон. Вещал он, разумеется, голосом Маккиннона. Тут тоже поработал Мозг, синхронизировавший изображение и звук; результат, кстати говоря, наводил на печальные мысли. — Я принял вашу космограмму и вместе с моим экипажем направляюсь к астероиду 2046, чтобы изучить ситуацию на месте. Будем держать вас в курсе. До связи.

Признаться, я застонал. Придурок Маккиннон даже в такую минуту продолжал существовать в придуманном мире. Это ж надо! Капитан Фьючер и его экипаж спешат на выручку!

— Вы что-то сказали, мистер Фурланд?

Маккиннон выпятил волосатый подбородок — очевидно, надеялся продемонстрировать решительность, не подозревая, что на самом деле стал вдруг удивительно похож на капризного ребенка, не пускающего других детей в свой угол песочницы. Я в очередной раз убедился, что он умеет только командовать и ничего больше; и чтобы кто-то посмел возражать ему на его собственном корабле… В общем. Господь с ним.

— Никак нет, капитан. — Я оттолкнулся от стола, пересек рубку и занял свое привычное место. Во-первых, на его стороне закон и слово капитана, а во-вторых — я не какой-нибудь там подонок, чтобы устраивать бучу и идти на принцип, когда в опасности человеческие жизни.

— Отлично. — Маккиннон поплыл к люку. — Показания секстанта подтвердили, что мы движемся в нужном направлении. Если понадоблюсь, вы найдете меня в моей каюте. — Внезапно он оглянулся и прибавил: — Пожалуй, стоит зарядить орудия. Могут возникнуть… неприятности.

После чего удалился. Наверняка, сукин сын, отправился спать.

— Вот паразит, — пробормотал я. Искоса поглядел на Джери. Та даже не подумала подмигнуть или сочувственно улыбнуться. Потерла подбородок, затем произнесла в микрофон, имплантированный ей под кожу еще в детстве:

— «Комета» вызывает «Пирит». Слышите нас? Прием, прием.

Что ж, я очутился в ловушке — на корабле под

командованием полного идиота.

Вернее, мне так казалось. Я и не догадывался, что настоящее безумие впереди.

> *«В Солнечной системе космические пираты встречались достаточно часто. Как правило, они облюбовывали астероиды либо крупные спутники дальних планет».*
>
> *Эдмонд Гамильтон. «Мир изгнанников»*

Во всем можно найти что-нибудь хорошее: отстояв вторую подряд вахту на мостике, я лучше узнал Джери Ли-Боуз.

Вам кажется удивительным, что, проведя с ней бок о бок три недели, я только теперь удостоился подобной чести?

Понимаете, у космонитов свои правила поведения. Многие из нас предпочитают ни словом не упоминать о прошлом, в котором, как говорится, бывало всякое; а расспрашивать кого-то о личных делах (если этот кто-то не заводит разговор сам), считается попросту неэтичным. Естественно, встречаются болтуны, которые в конце концов надоедают настолько, что хочется вытолкнуть их из ближайшего воздушного шлюза. С другой стороны, среди моих знакомых было несколько человек, с которыми я общался на протяжении многих лет, понятия не имея, когда они родились и что у них за родители.

Джери относилась к последней категории. Да, после того, как мы очнулись от анабиоза, мне удалось кое-что о ней выяснить, но ничего существенного я не узнал. Она не то чтобы скрывала свое прошлое — о нем просто-напросто не заходило речи в те редкие мгновения, когда мы оставались наедине, избавленные от необходимости терпеть присутствие капитана Фьючера. Наверно, наши отношения не изменились бы, не произнеси я той фразы…

— Этот сукин сын всю жизнь думал только о себе! — Я протянул Джери стаканчик с кофе, за которым ходил на камбуз.

По-прежнему кипя от негодования, хотя спор был проигран, а Маккиннон удалился почивать, я, что называется, излил Джери душу. Она терпеливо слушала мои тирады насчет душевного здоровья капитана, его внешнего вида, литературных пристрастий и тому подобного, а когда я сделал паузу, чтобы перевести дух, сказала:

— Он спас мне жизнь.

Меня качнуло. Магнитные защелки башмаков оторвались от пола, и пришлось спешно хвататься за кольцо под потолком,

чтобы не выплыть в коридор.

— Чего?

Стаканчик с кофе Джери держала в левой руке, а правой перелистывала страницы вахтенного журнала. Не поднимая головы, она продолжила:

— Ты утверждаешь, что Бо никогда не думал ни о ком, кроме себя. Все остальное может быть правдой, но здесь ты ошибаешься, поскольку однажды он спас мне жизнь.

— Расскажи поподробнее, — попросил я.

— Да рассказывать-то особо нечего. — Она пожала плечами. — Тебя, наверно, удивляло, что первый помощник — из чокнутых? — Заметив выражение моего лица, Джери улыбнулась. — Не бойся, я не умею читать мысли. Просто наслушалась за столько-то лет.

Она взглянула на топографический экран. Провал Кирквуда мы благополучно миновали, однако астероидов еще видно не было. В поясе их гораздо меньше, чем кажется планетникам; мы видели только бескрайние звездные просторы, да мерцала справа алая искорка Марса.

— Тебе, должно быть, известно, как Лучшие вступают в брак?

Я почувствовал, что краснею. В мыслях я частенько представлял, как мы с Джери, наплевав на формальности, совершаем то, что как бы закрепляет брак…

— Ты имеешь в виду предварительные договоренности?

Она кивнула.

— Все планируется заранее, чтобы избежать инбридинга[2] и одновременно увеличить возможное число комбинаций генов. Разумеется, определенная свобода выбора остается… Никто не заставляет тебя выходить замуж за конкретного человека; главное — чтобы он был не из твоего клана и не из Прежних. Джери допила кофе, смяла стаканчик, подбросила в воздух и ударила по нему правой ногой. Тот взлетел к потолку, двигаясь по собственной орбите. — Но порой случаются накладки. Когда мне было двадцать лет, я влюбилась в парня из Декарт-Сити. Естественно, он был из Прежних. Правильнее будет сказать, я думала, что влюбилась… — Она состроила гримасу, перекинула через плечо свою длинную пепельно-серую прядь. — В постели, по-моему, нам было неплохо. А как только он обнаружил, что я забеременела, тут же договорился с профсоюзом о работе на Марсе. Профсоюз с готовностью согласился — всем хотелось…

— Избежать осложнений, — закончил я. — Понимаю. Значит, ты осталась с ребенком…

— Нет. — Джери покачала головой. — Я очень хотела родить, но у меня случился выкидыш… Впрочем, ладно, это не слишком

приятная тема.

— Извини. — Что еще я мог сказать? Вероятно, она была готова к подобному повороту событий: ведь физическая близость между Лучшими и Прежними никогда ни к чему хорошему не приводила. Правда, Джери была молодой и глупой, а это вполне простительные грехи, тем более когда в них, как то обычно и бывает, впадают одновременно.

— Ничего. — Она вздохнула. — Моя семья отказалась от меня, в основном из-за того, что я расторгла помолвку с юношей из другого клана. Отказались не только родители, но и все соплеменники. — Джери искоса поглядела на меня. — Как тебе известно, фанатиков везде хватает. Вы называете нас чокнутыми, мы вас — обезьянами; я спала с обезьяной, а значит, осквернила идеал.

Джери закрыла вахтенный журнал и сунула его под консоль.

— Короче, я застряла в Декарте. Крошечное пособие, которого хватало только на то, чтобы платить за квартиру, а на остальное — ни гроша. Наверно, родственники ждали, что я пойду на панель — какое-то время, кстати говоря, я и впрямь этим занималась — или покончу с собой, чтобы избавить всех от хлопот…

— Сурово, — заметил я. Мне доводилось слышать о подобных случаях. Я встречался с несколькими изгнанниками — эти несчастные существа, с которыми судьба сводила меня на Луне и на искусственных спутниках, выполняли обычно самую грязную работу. Помнится, один алкоголик-чокнутый околачивался «У грязного Джо»: на спине у него был вытатуирован орел, а на выпивку он зарабатывал тем, что крутил для туристов сальто через стойку. Орел с ощипанными перьями. Некоторые Лучшие просто-напросто входили в воздушный шлюз и, не надев скафандра, нажимали на кнопку, открывающую наружный люк. Никто не знал почему; теперь я понял — у них такой обычай.

— Да уж. — Джери невесело усмехнулась. — Признаться, я начала подумывать о том, чтобы отправиться по долгому пути, но тут появился Бо… Точнее, я сама его привела. Он купил мне выпивку, выслушал, а потом, когда я расплакалась, сказал, что ему нужен первый помощник. Мол, все остальные отказываются, поэтому никто меня не выгонит, пока я сама не захочу уйти.

— И с тех пор вы вместе.

— Да, — подтвердила она. — Кстати, мистер Фурланд, что бы вам ни говорили, ко мне он всегда относился подчеркнуто уважительно. Я никогда с ним не спала, и он этого от меня не требовал…

— Джери, я не…

— Может быть, но задумываться ты наверняка задумывался, правильно? — Я залился румянцем, а Джери расхохоталась. — Не ты первый, не ты последний, так что не переживай. В самом деле, что общего может быть у чокнутой с жирной обезьяной? — Она покачала головой. — Знаешь, если бы он предложил, я бы согласилась не раздумывая. Хотя бы из благодарности.

Я промолчал — растерялся настолько, что пару минут не мог найти слов. Исповедь на борту звездолета услышишь нечасто; вдобавок в рассказе Джери было над чем поразмыслить. И потом, я вдруг сообразил, что теперь она мне нравится даже больше, чем нравилась до сих пор.

Перед тем, как удалиться, Маккиннон приказал привести в боевую готовность ракеты. Что ж, неплохой предлог прервать разговор — на время, чтобы справиться со смущением.

То, что на грузовике класса «Арес» имелись ракетные установки, лишний раз подчеркивало, насколько необузданной была фантазия Маккиннона. Однажды я поинтересовался, зачем ему ракеты; он ответил, что купил их у армии Звездного Союза в семьдесят первом, сразу после нападения на «Олимпию». Кстати, до сих пор так и не удалось выяснить, кто именно напал на «Олимпию»; сам факт обнаружили пять месяцев спустя, когда солнечный парусник прибыл на Керу с пустыми трюмами. Ходили слухи, что это работа каких-нибудь вконец оголодавших и обнищавших старателей.

Когда Маккиннон принялся рассуждать о том, что пираты могут напасть и на «Комету», мне пришлось отвернуться, чтобы скрыть улыбку. Вооружить грузовик четырьмя ракетами мощностью десять килотонн каждая — все равно что отправиться в гости, обвешавшись оружием с ног до головы. Бандитское нападение Маккиннона только обрадовало бы (ведь капитан Фьючер сражался с пиратами астероидов), однако я опасался, что он того и гляди откроет огонь по сбившемуся с курса мирному транспорту или разведчику.

Неожиданно меня посетила шальная мысль.

— Послушай, а когда он подобрал тебя… Ну, когда ты согласилась на первого помощника… Тебе не бросилось в глаза, что у него не все в порядке с головой?

Джери промолчала. Я хотел было повторить вопрос, но тут что-то не очень сильно пихнуло меня в бок. Я посмотрел вниз и увидел ногу Джери, пальцы которой ловко переместили переключатель запуска ракет в рабочее положение (я этого, естественно, сделать не удосужился).

— Конечно, бросилось, — проговорила она чуть погодя. — Сказать по правде, поначалу он упорно называл меня Джоан. У

Курта Ньютона была подружка по имени Джоан Рэндолл… Пришлось растолковать Бо, что к чему.

— Да ну?

— Угу. — Джери закинула правую ногу на спинку моего кресла. — Между прочим, тебе повезло. Всех, кто был до тебя, он именовал Отто или Крэг до тех пор, пока я не объяснила, что никто, кроме него, не понимает, в чем тут дело. — Она усмехнулась. — Прочти на досуге журнальчик-другой. Литературой там, разумеется, не пахнет, полная белиберда, но для научной фантастики начала двадцатого века…

— Научной чего?

— Фантастики. Так называли фэнтези в… Ладно, не важно. — Джери убрала ногу со спинки кресла и уселась по-турецки. — Я знаю, со стороны Бо выглядит сущим идиотом, но ты должен понять: он — романтик, очутившийся среди тех, кто в большинстве своем и не догадывается, что означает это слово. Ему хочется приключений, подвигов, сумасбродств. Он стремится стать героем.

— Так-так… Бо Маккиннон, спаситель космоса. — Я попытался представить нашего капитана на одной из украшавших стены кубрика журнальных обложек: вот он с бластером в руке защищает Джери от кровожадных монстров… Возникшая в воображении картина вызвала у меня приступ смеха.

— По-моему, желание достаточно скромное, ты согласен? — Во взгляде Джери, когда она повернулась ко мне, промелькнула печаль. Ухмылка словно примерзла к моему лицу. — Впрочем… Время героев прошло. Мы мотаемся из конца в конец Солнечной системы, храним деньги в банке и радуемся собственной предусмотрительности. А лет сто назад все это людям только грезилось, и нас носили бы на руках. Вот что привлекает Бо в его журналах. — Джери перевела дыхание. — Стоит ли винить Бо Маккиннона за то, что он хочет то, чего не имеет? Командует дырявым корытом, первый помощник бывшая шлюха, второй открыто презирает капитана; вдобавок от Земли до Япета про него рассказывают анекдоты… Неудивительно, что он так отреагировал на сигнал бедствия. Пожалуй, для Бо это единственный шанс.

Я хотел было возразить, что теряю из-за капитана свой единственный шанс, когда динамик под потолком пискнул два раза подряд, а затем из него раздался голос Мозга:

— Прошу прощения, но наступило расчетное время для корректировки курса. Следует ли мне выполнить необходимые маневры?

— Не стоит, Мозг, — отозвалась Джери, разворачиваясь к

пульту управления. — Мы проделаем их вручную. Выдай, пожалуйста, координаты.

На мониторе немедленно возникла трехмерная сетка.

— Я тебе нужен? — Вопрос был чисто риторическим: я видел, что Джери прекрасно справляется сама.

— В общем-то нет. — Ее длинные пальцы порхали по клавиатуре, вводя координаты. — Если хочешь, поспи. — Она усмехнулась. — Не волнуйся, я не скажу Бо, что ты дрых в его кресле.

А что, неплохая идея. Я пристегнулся, сунул руки в карманы, чтобы не размахивать ими во время сна — невесомость все-таки… Другой возможности отдохнуть скорее всего уже не представится: когда мы доберемся до астероида 2046, капитан Фьючер вновь примется отдавать приказы, превращая мою жизнь в ад.

Джери многое объяснила Рору Фурланду в глаза, однако так и не сумела пробудить в нем симпатию к Бо Маккиннону. Я по-прежнему считал его большим куском дерьма… Если кто-либо на борту «Кометы» и вызвал у меня симпатию, то это Джери Ли-Боуз, которая явно заслуживала чего-то большего, нежели должность первого помощника Маккиннона.

Едва я закрыл глаза, мне пришло в голову, что в капитанском кресле я чувствую себя гораздо удобнее, чем в своем. Быть может, когда-нибудь, поднакопив деньжат, я куплю Маккиннона с потрохами. Интересно будет посмотреть, так же хорошо он выполняет приказы, как умеет их отдавать.

Приятная мысль, правда? Мягкая, как подушка. С этой мыслью я и заснул.

> *«Смотри, Аррай, метеор! — воскликнул молодой марсианин.*
>
> *— А вон корабль, который его направляет.*
>
> *Два марсианина прильнули к иллюминатору. Картина потрясала воображение. Черное, быстро увеличивавшееся в размерах пятно было гигантским метеором, который стремительно мчался к Марсу. А рядом виднелся темный силуэт звездолета, силовые лучи которого и направляли метеор к красной планете».*
>
> *Эдмонд Гамильтон. «Капитан Фьючер принимает вызов»*

Несколько часов спустя «Комета» вышла на орбиту 2046-го. Вблизи астероид выглядел точно так же, как на

топографическом экране огромный обломок скалы непроницаемо черного цвета. «Пирит» же, пожалуй, уступал размерами только искусственным спутникам типа «Лагранж». «Комета» рядом с ним напоминала яхту в сравнении с океанским лайнером.

Исполинский генератор массы возвышался подобно горе на одном из полюсов астероида. Мы приближались крайне осторожно, чтобы не угодить под залп из «рельсовой пушки». Кроме этих залпов, никаких признаков жизнедеятельности заметно не было. Внутри жилого отсека горел свет, но движения не наблюдалось, а радио продолжало хранить молчание с тем же упорством, с каким соблюдало его последние восемнадцать часов.

— Глядите. — Я показал на ангар, который опоясывал бочкообразный корпус «Пирита» невдалеке от сопла «рельсовой пушки». Двери ангара были распахнуты настежь, внутри виднелись планетоходы и спасательные боты. Все как будто на месте.

Джери увеличила изображение на контрольном мониторе. Ее глаза изумленно расширились.

— Странно, — пробормотала она. — С какой стати им понадобилось разгерметизировать ангар, если они не…

— Вы двое, молчать! — рявкнул Маккиннон, сидевший по правую руку Джери (я расположился по левую). — Мне плевать, что на них нашло! Главное — не прозевайте пиратов, которые наверняка сшиваются где-нибудь поблизости!

Я провел «Комету» над массивными опорами «Пирита», выполнил разворот… Маккиннон появился на мостике около часа тому назад — после душа и неторопливого завтрака, в котором мне было отказано, — и сразу же уселся на любимого конька: дескать, команда генератора массы оказалась в руках космических пиратов. Его отнюдь не смущал тот факт, что по пути нам не встретилось ни единого звездолета, ни то, что в окрестностях «Пирита» не было намека даже на какой-нибудь челнок, не говоря уж о разведчике (а пираты летают именно на разведчиках). Капитану Фьючеру вдобавок попросту не приходило в голову, что экипажу разведчика, который состоит из четырех человек, было бы весьма сложно справиться с двенадцатью членами команды «Пирита». Левая рука Маккиннона лежала на кнопке запуска ракет; судя по всему, нашего героя так и подмывало ее нажать.

Правда, когда мы завершили облет астероида, он вынужден был признать, что пиратских звездолетов не обнаружено. Двигался исключительно сам астероид…

Я ухватился за эту мысль:

— Мозг, ты определил координаты и курс «Пирита»?

— Так точно, мистер Фурланд. Один семьдесят шесть, два…

— Мистер Фурланд! — прорычал Маккиннон. — Я не приказывал…

— К черту цифры, Мозг, — сказал я, не обращая внимания на капитанский рык. — Мне нужно знать, прежним ли курсом движется астероид.

После секундной паузы Мозг сообщил:

— Курс изменился, мистер Фурланд. Согласно проделанным мною вычислениям, астероид 2046 с вероятностью семьдесят две целых одна десятая процента столкнется с планетой Марс.

Джери побледнела, и даже Маккиннон заткнулся.

— Выведи изображение на экран. — Я развернул кресло, чтобы оказаться лицом к голограмме.

Мозг продемонстрировал нынешнее положение «Пирита» относительно Марса. Расстояние до того составляло приблизительно половину астрономической единицы, однако прочерченная Мозгом оранжевая линия — курс астероида упиралась точно в Марс. Рядом с изображением появились цифры, которые Мозг немедленно перевел на нормальный человеческий язык.

— При условии, что значение функции дельта не изменится, через двести тридцать шесть часов двенадцать минут двадцать четыре секунды астероид 2046 столкнется с Марсом.

— Дней через десять, — сказал я, прикинув в голове.

— Если точно, через девять целых восемьдесят три сотых земных суток. Мозг увеличил изображение Марса до такой степени, что оно целиком заполнило экран. Чуть выше экватора планеты появился крестик. — Расчетные координаты места столкновения: двенадцать градусов северной широты, шестьдесят три градуса западной долготы, невдалеке от Лунной Равнины.

— К северу от Валлес Маринерис, — проговорила Джери. — Господи, Рор! Это же совсем рядом с…

— Знаю. — Мне не требовалось помощи, чтобы сориентироваться на местности. Столкновение произойдет у Морской Долины, в нескольких сотнях километров от станции Арсия; а ведь вокруг каньона разбросано множество мелких поселений. Кажется, на Лунной Равнине стоит шахтерский поселок… Колонизация Марса проходит настолько быстро, что нет никакой возможности уследить за тем, где обретаются полтора миллиона его обитателей.

— Саботаж! — воскликнул Маккиннон. Отстегнулся, подлетел к пульту управления и уставился на экран. — Заговор! Кто-то изменил курс «Пирита»! Вы понимаете, что…

— Заткнитесь, капитан. — Не хватало еще, чтобы он разыграл

очередной спектакль сейчас! Я и без того прекрасно представлял, что произойдет, если — точнее, когда — астероид врежется в Марс.

Марсианская экосистема стабильнее земной. Предпринятая в пятидесятые годы попытка создать на планете земные условия и сделать климат более приемлемым доказала, однако, что сюрпризов здесь можно ожидать в любой момент. Тем не менее колонисты, подстраиваясь под смену времен года, продолжали выращивать урожай, строили солнечные батареи, добывали минералы — в общем, добывали средства к существованию.

Это была не жизнь, а именно существование, которое зависело целиком и полностью от климатических условий. Если в районе экватора и впрямь рухнет астероид, начнется такое… Землетрясения и песчаные бури — только цветочки. Уже при столкновении наверняка погибнут двести — триста человек, но основные жертвы будут впереди. Пыль поднимется в атмосферу, на многие месяцы закроет небо, что приведет к повсеместному, от горы Олимпус-Монс до Хеллас-Плантия, понижению температуры. В результате пострадает сельское хозяйство, резко сократятся запасы энергии, а уцелевшим колонистам станет угрожать смерть от голода и стужи.

Судного Дня, конечно, не произойдет. По всей видимости, два-три поселения, которым окажет экстренную помощь Земля, сумеют выкрутиться. Однако в общем и целом марсианская колония, безусловно, перестанет существовать.

Маккиннон все еще таращился на экран, тыкал пальцем в Марс и нес ахинею насчет космических пиратов и заговорщиков. Я повернулся к Джери, которая, пока я объяснялся с Мозгом, пилотировала «Комету», и сказал, бросив взгляд на монитор, где вновь возник корпус «Пирита»:

— Ангар разгерметизирован, поэтому шлюпку мы туда послать не можем; вдобавок все места заняты. Значит…

Джери поняла меня с полуслова:

— У них есть дополнительный стыковочный узел. Думаю, у нас получится, хотя, хотя…

Да уж. Те, кто проектировал «Комету», явно не предполагали, что грузовозу придется когда-нибудь состыковываться с громадиной вроде «Пирита».

— Вот именно, что хотя, — заметил я. — Впрочем, если убрать антенну, может, и обойдется.

Джери утвердительно кивнула, потом прибавила:

— Но тогда мы потеряем связь с Керой.

— Ну и что? Зато сможем состыковаться. Иначе кому-то придется напяливать скафандр и топать в шлюз.

И этим «кто-то» скорее всего окажусь я, а перспектива прогуляться от одного летящего с ускорением корабля к другому меня отнюдь не прельщает. Правда, отказаться в таких обстоятельствах от связи с Керой практически равносильно самоубийству. Если с нами что-нибудь случится, на Кере ни о чем не узнают, тогда как своевременное предупреждение, отправленное на станцию Арсия, может спасти энное количество жизней (при условии, что колонисты не станут затягивать с эвакуацией).

— Будем состыковываться, — решил я, пораскинув мозгами, и повернулся к интеркому. — Но сначала пошлем сообщение на Керу…

— Эй! Что это вы затеяли? — Капитан Фьючер наконец-то сподобился осведомиться, чем заняты его подчиненные. Он подлетел к нам, ухватился руками за спинки наших кресел. — Я не отдавал никаких приказов и не позволю, чтобы на моем корабле…

— Бо, ты слышал, о чем мы говорили? — Судя по всему, Джери стоило немалых усилий не сорваться на крик. — Слышал или нет?

— Естественно, слышал! Я…

— Тогда ты должен понимать, что другого выхода у нас нет. Если мы не состыкуемся с «Пиритом», то не сумеем выключить реактор или хотя бы изменить курс астероида.

— А как же пираты? Они…

— Слушай, ты! — проговорил я со вздохом. — Да пойми ты наконец, что…

— Рор! — перебила Джери. Перехватив ее суровый взгляд, я заткнулся, а она вновь повернулась к Маккиннону. — Если генератор в руках пиратов, мы их обязательно найдем. Но пока стрелять попросту бессмысленно. Рор прав. Сначала мы должны связаться с Керой и сообщить, что происходит, а затем…

— Нечего меня учить!

— А затем состыковаться с «Пиритом»…

— Я же сказал, нечего меня учить! — Маккиннон раздраженно помотал головой. — И я никому не приказывал… — Он замолчал, не в силах продолжать из-за душившего его гнева.

Внезапно я сообразил, что привело к этой вспышке. Второй помощник, над которым капитан издевался на протяжении трех недель, посмел проявить сообразительность в присутствии старшего по званию! Хуже того, он получил поддержку первого помощника, который до сих пор, как и полагается, во всем соглашался с капитаном!

И ведь речь шла не о каких-нибудь мелочах вроде ремонта

топливного насоса или уборки камбуза. На карту были поставлены сотни и тысячи жизней, времени оставалось все меньше — а Маккиннон вообразил, что мистер Фурланд покусился на его капитанство, и вместо того, чтобы заняться делом, принялся отчитывать своего второго помощника.

Будь у меня при себе бластер, я бы с громадным удовольствием пристрелил Маккиннона, а потом усадил бы труп в кресло, чтобы он не мешал нам с Джери выполнять задуманное. Но в конечном итоге бунт ни к чему хорошему не приведет, поэтому единственное мое оружие — компромисс.

— Прошу прощения, капитан, — сказал я. — Вы совершенно правы. Я превысил свои полномочия. — После чего отвернулся, скрестил на груди руки и принялся ждать.

Маккиннон шумно вздохнул. Посмотрел на монитор, оглянулся через плечо на экран, прикидывая, по-видимому, согласно ли удовлетвориться моим извинением уязвленное самолюбие. Прошло несколько драгоценных секунд.

— Отлично, — произнес он наконец, оттолкнулся от наших кресел и полетел к своему. — Приготовиться к стыковке с «Пиритом». Мистер Фурланд, проверьте воздушный шлюз.

— Слушаюсь, сэр, — отозвалась Джери.

— Слушаюсь… э… сэр, — выдавил я.

— А я свяжусь с Керой и проинформирую их о том, какая у нас складывается обстановка. — Безмерно довольный собой, Маккиннон откинулся на спинку кресла. — Молодцы, ребята. Таким и должен быть экипаж капитана Фьючера.

— Спасибо, капитан, — сказала Джери.

— Благодарю вас, сэр. — Я отстегнулся и поплыл к люку, отворачиваясь, чтобы Маккиннон не заметил моей улыбки.

Итак, одержана маленькая победа. Я и не догадывался, чего добился на самом деле.

«Он сел в кресло пилота и повел „Комету“ по рассчитанному компьютером курсу, в направлении невидимого астероида.

— Они наверняка нас заметят, — предостерег Эзра. — Застать Чародея с Марса врасплох нам не удастся ни за что.

— Уверяю тебя, он ничего не заподозрит, — ответил капитан Фьючер. — Смотри».

Эдмонд Гамильтон. «Чародей с Марса»

Я — человек привычки, по крайней мере когда речь идет о собственной безопасности, поэтому перед тем, как покинуть «Комету» и ступить на борт «Пирита», я надел скафандр.

С одной стороны, внутри звездолетов, на которых с герметичностью полный порядок, в скафандрах расхаживают одни идиоты; а шлюзовые датчики утверждали, что с давлением на «Пирите» все в ажуре. Однако они вполне могли выйти из строя; в таком случае за переборкой — вакуум, то есть мгновенная смерть для того, кто не позаботился натянуть скафандр. Во всяком случае, в «Пособии астронавта» утверждается, что, если что-то вызывает сомнения, лучше надеть скафандр.

Так я и поступил. И это спасло мне жизнь.

Джери и Маккиннон остались на «Комете». Я в гордом одиночестве проплыл из шлюза в шлюз и двинулся дальше по пустому коридору. Включил наружный микрофон, но услышал только гудение вентиляторов (еще одно свидетельство того, что на корабле поддерживается нормальное давление).

От того, чтобы снять шлем и прицепить его к ремню, меня удержало одно не хотелось, чтобы он стукался о стены, когда я буду пролезать сквозь очередной люк, видневшийся справа в конце коридора. Вдобавок от царившей на корабле тишины бросало в дрожь. Неужели никто не заметил, что к «Пириту» ни с того ни с сего пристыковался грузовоз? Да еще не с Керы, а черт-те откуда? Где капитан с гневной тирадой по поводу того, что мы чуть было не врезались в его бесценную посудину?

Ответ поджидал меня в центре управления. Именно там я наткнулся на первый труп.

Обнаженный мужчина висел вниз головой в проеме люка, едва не касаясь пальцами рук большой лужи крови на палубе. Черт лица, залитого кровью из глубокой раны на шее, было не разглядеть. Присмотревшись, я увидел, что ноги мертвеца крепко связаны веревкой, прикрепленной одним концом к трубе под потолком коридора.

На теле пятен крови не было, следовательно, горло бедняге перерезали уже после того, как повесили на трубе. Члены явно окоченели, кровь засохла, значит, провисел он тут довольно долго.

Я сообщил о своей находке Джери и Маккиннону, а затем осторожно отодвинул тело и протиснулся в люк.

Ради всего святого, не упрекайте меня в бесчувственности. Во-первых, для того, кто провел в космосе всю свою жизнь, смерть не является чем-то из ряда вон выходящим. Я впервые увидел мертвеца в девять лет, когда какой-то микрометеорит пробил

щиток шлема одному из моих школьных учителей, который повел нас на экскурсию на место посадки «Аполлона-17». С тех пор мне доводилось наблюдать смерть во множестве обличий — от декомпрессии, когда человек просто взрывался, от облучения, в результате несчастного случая на шахте, пожара на корабле, электрошока и так далее; как-то на дне рождения, помнится, кто-то захлебнулся собственной блевотиной после того, как перебрал водки. Смерть — естественный исход; если ты достаточно осмотрителен, то в твоих силах сделать ее менее мучительной и неприятной, но не более того.

Во-вторых, если бы я стал описывать все тела, которые обнаружил на борту «Пирита», хотя бы ради того, чтобы удовлетворить тех, кто наслаждается такими подробностями, то мой рассказ растянулся бы очень и очень надолго.

Поэтому скажу лишь, что жилой отсек «Пирита» напоминал скотобойню.

Я нашел десять тел, причем увечья всякий раз оказывались все более и более жестокими. Мертвецы были повсюду — в каютах и в коридорах, на камбузе и в гальюне, в кают-компании и в кладовой.

Двое явно прикончили один другого — мужчина и женщина с зажатыми в кулаках ножами.

Почти все, не считая двоих или троих, были одеты; большинство погибло от ран, которые могли быть нанесены чем угодно — пером, отверткой, гаечным ключом…

Одной женщине повезло. Она покончила с собой, повесившись на простыне, переброшенной через дверь каюты. Надеюсь, счастливица задохнулась до того, как тот, кто ее нашел, отрезал ей правую руку газовым резаком (инструмент валялся у двери на полу).

Карабкаясь по трапам, заглядывая в люки, переступая через окоченевшие тела, я не переставал говорить в микрофон, сообщая капитану и Джери обо всем, что попадалось мне на глаза. Никаких объяснений случившемуся выдвигать не пытался, лишь заметил, что люди, по всей видимости, погибли не далее, как несколько дней тому назад.

Кровь, как и мертвецы, была повсюду. На стенах, на коврах; казалось, кому-то взбрело в голову обрызгать все до единого помещения красной краской. Я порадовался тому, что решил не снимать шлем: щиток как бы отделял меня от окружающей обстановки; вдобавок без него запах разложения наверняка вывернул бы мой желудок наизнанку.

Джери время от времени приглушенно вскрикивала, а что касается Маккиннона, его голос я какое-то время спустя слышать

перестал. Должно быть, капитан не выдержал. Что ж, вполне объяснимая, вполне простительная слабость…

Жилой отсек «Пирита» состоял из четырех палуб. Пока я насчитал одиннадцать трупов, а Маккиннон говорил, что экипаж корабля состоит из двенадцати человек. Интересно, куда подевался последний?

Я поднялся на верхнюю палубу, где находилась рубка. Люк, ведущий внутрь, был закрыт. Лазерным резаком я вырезал замок. Послышался негромкий скрежет, и в этот миг я различил ритмичное постукивание, словно кто-то методично колотил чем-то по переборке.

Сперва я решил, что это один из множества корабельных звуков, однако скрежет открываемого люка на мгновение нарушил ритм постукивания. Я замер, прислушиваясь, и уловил нечто вроде смешка. Затем постукивание возобновилось.

В рубке был живой человек.

Внутри царил полумрак, поскольку лампы под потолком были выключены. Свет исходил только от дисплеев, мониторов и различных индикаторов. Впечатление было такое, будто в рубке произошел взрыв: по воздуху плавали кресла и растрепанные вахтенные журналы. Мой взгляд наткнулся на окровавленную рубашку…

Постукивание продолжалось. Я включил фонарик и принялся заглядывать во все углы в поисках уцелевшего члена экипажа. В самый разгар поисков мне в глаза бросилась короткая надпись на переборке. Два выведенных кровью слова: «Титанианская чума».

Вот тут-то я и понял, что скафандр спас мне жизнь.

Дрожа с головы до ног, я пересек рубку. Последний член экипажа отыскался в аварийном шлюзе. Он сидел у люка, подтянув колени к подбородку. Комбинезон был весь в крови, но, присмотревшись, я различил капитанские нашивки. Свет моего фонарика заставил человека моргнуть; он захихикал, точно маленький ребенок, которого застали за каким-то недозволенным занятием.

А потом снова стал колотить по палубе отрубленной человеческой рукой.

Не знаю, сколько я смотрел на него. Несколько секунд или минут… В наушниках звучал голос Джери, но я не понимал, о чем она говорит, и не отвечал. Лишь услышав за спиной скрежет люка, я отвернулся от обезумевшего капитана «Пирита».

И увидел Бо Маккиннона.

Который последовал за мной и который, как и следовало ожидать от этакого идиота, не подумал надеть скафандр.

«Крохотный корабль, по форме напоминающий слезу, устремился к Земле на пределе скорости. Капитан Фьючер размышлял о том, сколько раз отвечал на призыв о помощи. И всегда он и его экипаж подвергались смертельной опасности. Неужели история повторится и сейчас?

— Побеждать все время невозможно, — мрачно произнес он.

— До сих пор нам везло, однако теория вероятности гласит, что рано или поздно везение заканчивается».

Эдмонд Гамильтон. «Капитан Фьючер торжествует»

Никто не знал, откуда взялась титанианская чума. Впервые с ней столкнулся экипаж «Гершеля», который в 2069 году отправили основывать колонию Звездного Союза на Титане. Выдвигалась теория, что вирус имеет чисто титанианское происхождение, однако тот факт, что он активно размножается в насыщенной кислородом и водородом среде, заставил многих ученых предположить, что вирус возник не на Титане с его азотно-метановой атмосферой. Кое-кто даже утверждал, что экспедиция заразилась чумой от инопланетян, с которыми встретилась на Титане, но это, разумеется, были только разговоры.

Что касается фактов, они таковы: к тому времени, когда «Гершель» вернулся к Земле, большинство членов команды сошло с ума. Уцелеть удалось лишь троим, в том числе капитану, и по одной простой причине — они заперлись в рубке, загерметизировали помещение и всю дорогу домой дышали кислородом из аварийных баллонов. Остальные же члены экипажа либо поубивали друг друга, либо умерли в страшных мучениях, когда болезнь поразила мозг.

Достигнув пояса астероидов, «Гершель» благодаря усилиям оставшихся в живых вышел на орбиту вокруг Весты. Капитан и два его товарища покинули корабль на спасательной шлюпке. Три месяца спустя «Гершель» был взорван крейсером «Неустрашимый». Королева Македония между тем объявила, что всякие экспедиции на Титан запрещаются и что любой корабль, посмевший приблизиться к этому спутнику Сатурна, будет уничтожен флотом Ее Величества.

Несмотря на принятые меры предосторожности, в последующие годы произошло несколько вспышек титанианской чумы — в основном на пограничных колониях. Никто не знал,

каким образом болезнь распространилась; предполагали, правда, что виной тому — три уцелевших члена экипажа «Гершеля».

Первые симптомы чумы напоминали обыкновенную простуду, которая еще не так давно была вполне заурядным явлением, однако сразу за кашлем и насморком начиналось нечто вроде белой горячки. Способ лечения был только один — изолировать больного (причем обратить особое внимание на то, чтобы в помещении не было предметов, которые он мог бы использовать в качестве оружия) и ждать, пока он умрет.

Лекарства от чумы найти не удалось.

Получается, что титанианская чума каким-то образом проникла на борт «Пирита». Жилой отсек на корабле сравнительно небольшой, поэтому распространилась болезнь очень быстро и свела людей с ума прежде, чем они заподозрили неладное. Быть может, догадался капитан, но и он не сумел уберечься.

Я не заразился только потому, что был в скафандре.

А Бо Маккиннон…

Капитан Фьючер, человек завтрашнего дня, бесстрашный космический герой, в поисках славы безрассудно ввалился на чужой корабль, не позаботившись надеть скафандр.

— Ты закрыл переходник? — спросил я.

— Что? — Побледневший Маккиннон не сводил глаз с сидевшего в углу безумца. — Переходник? Какой?.. Где?..

Я схватил его за плечи, несколько раз встряхнул — так сильно, что сорвал с головы наушники.

— Переходник «Кометы», идиот! Закрыл ты его или нет?

Он беспомощно уставился на меня, потом сообразил, что нужно надеть наушники.

— Кажется, закрыл…

— Кажется? Ах ты, олух царя небесного…

— Фурланд, я… — Он ошарашенно огляделся по сторонам. — Что здесь произошло? Они… Осторожно!

Я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, что безумец вскочил и устремился к нам, размахивая на бегу отрубленной рукой и завывая, точно дикий зверь.

Я отпихнул Маккиннона в сторону, потом одним движением захлопнул люк. В следующий миг раздался глухой удар, и люк чуть было не распахнулся снова, однако мне удалось устоять. Я поспешил задраить люк. Безумец принялся колотить по переборке.

Так, рано или поздно он наткнется на маховичок, вспомнит, как тот работает, и вырвется наружу. Возможно, я сумею с ним справиться — что, впрочем, весьма сомнительно. Но тащить его

на «Комету»…

Оставался единственный выход. Я отыскал панель управления шлюзом, откинул крышку и прошептал:

— Извините, сэр. Да смилуется Господь над нами обоими.

После чего нажал на кнопку, открывавшую наружный люк.

Затрезвонили аварийные сигналы — то был своего рода погребальный звон. Затем наступила тишина, которую в конце концов нарушил голос Маккиннона:

— Мистер Фурланд, вы только что убили человека.

Я повернулся. Маккиннон уже поднялся с пола. Он стоял, опираясь на спинку кресла, и гневно взирал на меня.

Ответить я не успел. В наушниках раздался голос Джери:

— Рор, он закрыл за собой шлюз. На «Комете» все в порядке.

Черт побери, хоть раз в жизни Бо ухитрился не напортачить!

— Спасибо, детка. Не открывай, пока я не вернусь.

Я направился к пульту управления, располагавшемуся у дальней стены. Маккиннон заступил мне дорогу.

— Вы слышали меня, мистер Фурланд? — осведомился он, горделиво выпятив кадык. — Вы только что убили человека… На моих глазах!

— Уйди, придурок. — Я оттолкнул Маккиннона и подошел к монитору, схема на котором указывала местоположение астероида и расчетную траекторию. Скорее всего кто-то из членов экипажа — должно быть, капитан, учитывая, что именно он заперся в рубке, — проложил новый курс в приступе безумной злобы.

— Я тебя арестую! — крикнул Маккиннон. — В пределах своих полномочий как агента межпланетной полиции я…

— Иди ты в задницу. — Я принялся набирать на клавиатуре команды. Пальцы в рукавицах скафандра казались донельзя неуклюжими. — Нет ни межпланетной полиции, ни космических пиратов, есть только звездолет, зараженный чумой. А ты…

— Я — капитан Фьючер!

Должно быть, он уже заразился, и вирус начал действовать. В принципе следовало бы проверить, как там у него насчет первичных симптомов, но в данный момент Во Маккиннон беспокоил меня меньше всего на свете.

Как я ни пытался, мне не удалось войти в навигационную программу. Она требовала пароль, который умер вместе с кем-то из членов экипажа; стандартные уловки не помогали. В итоге я не мог изменить ни скорость, ни траекторию астероида 2046, который на всех парах мчался к Марсу.

— Что ты имел в виду, когда велел Джери не пускать никого на «Комету» без твоего разрешения? — Маккиннон уселся в

кресло капитана «Пирита», словно приняв тем самым на себя командование генератором. — Похоже, ты забыл, кто командует кораблем. Ничего, я тебе напомню…

К черту. Раз компьютер все равно не слушается, надо проверить, можно ли взорвать «Пирит». Если я замкну систему охлаждения реактора и выведу из строя систему безопасности, если «Комета» успеет смыться до взрыва, короче, если нам повезет, астероид сойдет со своего курса и все останутся живы.

— Рор? — окликнула меня Джери. — Что там у вас происходит?

Я бы охотно объяснил — если бы не подслушивал Маккиннон. А тот вдруг вскочил и завопил:

— Джоан! Это шпион Уль-Куорна, Чародея с Марса! Он собирается…

Я знал, что он готов напасть. Дождался нужного момента, повернулся и нанес хук справа точно в волосатую челюсть.

Маккиннона отнесло немного назад. Он зашарил руками вокруг, ища, за что бы ухватиться, потом потрогал подбородок и пробормотал:

— Предатель!

Времени было в обрез, поэтому я двинул ему снова, на сей раз по носу. Он рухнул в кресло и остался сидеть, не поднимая головы.

— Что ты там делаешь? — требовательно спросила Джери.

— То, что следовало сделать давным-давно, — ответил я. Костяшки пальцев на правой руке отчаянно ныли.

Провозившись несколько минут с системой безопасности, я вынужден был признать свое поражение. Эта программа также требовала пароль. Вполне возможно, все пароли записаны в вахтенном журнале, но искать их нет ни времени, ни желания.

Впрочем, еще не все потеряно. Оставалась возможность, которую, как ни странно, предоставил нам Бо Маккиннон.

Именно в тот миг я понял, что капитан Фьючер должен погибнуть.

«— Капитан Фьючер мертв!

Голос широкоплечего матроса с Юпитера перекрыл смех, болтовню и звон стаканов. В кафе Венусополиса установилась относительная тишина. Матрос с вызовом поглядел на своих товарищей у стойки бара.

Один из них, коренастый, видавший виды меркурианин, задумчиво покачал головой.

— Не знаю, не знаю. Да, о нем ничего не слышно вот

уже несколько месяцев, однако он не из тех, кого легко убить».

Эдмонд Гамильтон. «Лунные изгои»

Я сижу за столиком «У грязного Джо». Время близится к закрытию, народ постепенно уходит. Впрочем, меня бармен не выгонит даже после того, как закроет дверь за всеми остальными. Героев никогда ниоткуда не выгоняют; между прочим, с тех пор, как я вернулся с Керы, мне беспрестанно предлагают бесплатную выпивку.

В конце концов я последний, кто видел живым капитана Фьючера.

Средства массовой информации подтвердили наше алиби. В этой истории было все, что привлекает обывателя: приключения, романтическая любовь, немножко крови, поставленные на кон тысячи жизней, а главное самопожертвование. Фильм получится просто шикарный (вчера я продал права на постановку).

Вы наверняка знаете, чем все закончилось, — об этом трубили на каждом углу. Осознав, что заразился титанианской чумой, Бо Маккиннон — извините, капитан Фьючер, — отдал свой последний приказ в качестве капитана «Кометы». Он приказал мне возвращаться на грузовоз, а когда убедился, что я на борту, велел Джери отстыковываться и уводить «Комету» как можно дальше.

Догадавшись, что он задумал, мы попытались отговорить его. Мы спорили и умоляли, обещали, что доставим в биостазисе на Землю, где врачи обязательно спасут ему жизнь. В конце концов Маккиннон просто отключил связь и приготовился встретить свою судьбу, как и подобает истинному герою.

Когда «Комета» отошла на безопасное расстояние, капитан Фьючер ввел в бортовой компьютер «Пирита» команду, которая вызвала перегрузку реактора. Оставшись в гордом одиночестве на мостике, он успел перед взрывом отправить сообщение…

Только не просите, чтобы я его повторял. Хватит и того, что королева прочла текст во время заупокойной службы и что теперь эти фразы собираются выбить на постаменте памятника Бо Маккиннону (статуи в два человеческих роста) на станции Арсия. Джери старалась, когда сочиняла, но мне не понравилось тогда и не нравится сейчас.

Как бы то ни было, термоядерный взрыв уничтожил «Пирит» и существенно изменил курс астероида 2046. Астероид пролетел на расстоянии пять тысяч километров от Марса; его наблюдали ученые обсерватории на Фобосе, а из поселений Центрального

Меридиана сообщили о сильнейшем за все время существования колонии метеоритном дожде.

Бо Маккиннона, капитана Фьючера, чтут как одного из величайших героев в истории человечества.

Я уже говорил — Джери постаралась на славу.

Признаться, я хотел, чтобы люди узнали правду, но Джери сумела меня переубедить. Возможно, она права: кому было бы лучше, если бы стало известно, что Бо Маккиннон перед смертью превратился в буйнопомешанного и получил по зубам от своего второго помощника?

Естественно, никто не знает, что «Пирит» уничтожили четыре ядерные ракеты, выпущенные с борта «Кометы», и что те же самые ракеты сбили астероид 2046 с его курса. От ракетных установок мы избавились еще до прибытия на Керу, а маленькая взятка, врученная мелкому чиновнику, привела к тому, что всякое упоминание о вооружении «Кометы» бесследно исчезло из всех официальных документов.

Короче, все добились, чего хотели.

Джери произвели из первых помощников в капитаны. Свою должность она предложила Рору Фурланду; поскольку «Юпитер» давным-давно улетел, я с благодарностью согласился. Вскоре она также продемонстрировала мне все свои татуировки (разумеется, я не стал отворачиваться). Ее собственный клан по-прежнему не желал признавать блудную дочь — тем более что Джери собиралась замуж за обезьяну. Однако другие капитаны из Лучших вынуждены были примириться с тем, что она — из их числа.

В общем, живем не жалуемся. Счет в банке постоянно увеличивается, от компаний, желающих нанять легендарную «Комету», просто нет отбою. Кто знает? Однажды мы, быть может, устав от скитаний, поселимся на какой-нибудь планете и попытаемся выяснить, бывают ли дети от смешанных браков.

Маккиннон тоже добился своего, хотя и не дожил до того, чтобы увидеть это собственными глазами. А его смерть принесла благо человечеству.

Меня беспокоит только одно.

Когда окончательно спятивший Маккиннон набросился на меня на борту «Пирита», я решил, что всему виной титанианская чума. В принципе так оно и есть: он заразился, едва миновав переходник.

Однако впоследствии я узнал, что инкубационный период вируса титанианской чумы составляет шесть часов. Между тем мы оба провели на «Пирите» от силы половину этого срока.

Выходит, Маккиннон обезумел не из-за чумы. Я до сих пор не

имею ни малейшего понятия, на чем он свихнулся… Может, решил, что я пытаюсь отобрать у него корабль, подружку и вшивую славу?

Возможно, он был прав.

Прошлым вечером ко мне подрулил какой-то паренек — судя по всему, матрос грузовоза, только-только получивший профсоюзную карточку, — и попросил автограф. Пока я расписывался на обложке его формуляра, он пересказал забавную историю: оказывается, капитан Фьючер успел покинуть «Пирит» за секунду до того, как корабль взорвался. А старатели, мол, уверяют, что не раз замечали на экране звездолет, капитан которого представлялся Куртом Ньютоном; к сожалению, связь обычно тут же прерывалась.

Я угостил паренька выпивкой и открыл ему правду. Естественно, он мне не поверил, да я другого и не ожидал.

Героев найти крайне сложно. Когда они все же появляются среди нас, их нужно всячески ублажать. Главное — не промахнуться и не принять за героя того, кто на самом деле таковым не является.

Капитан Фьючер умер.

Да здравствует капитан Фьючер!

notes

Примечания

1

Разновидность ускорителя больших масс.

2

Родственное спаривание, узкородственное разведение.